

ТЮРИН Евгений Анатольевич — к.полит.н., доцент; доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (302028, Россия, г. Орел, б-р Победы, 5а; Turin.of.Foveran@yandex.ru)

САВИНОВА Елена Николаевна — к.полит.н., доцент; доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (SavinovaE.N@yandex.ru)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ ШОТЛАНДИИ: К ВОПРОСУ О ШОТЛАНДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии. Основное внимание авторы уделяют проблеме шотландской идентичности. Раскрываются понятия «шотландская идентичность», «британская идентичность», «этничность шотландцев» и др. Существенное внимание авторы уделяют сравнительному анализу моделей идентичности, например А. Смита и Д. Маккроуна, а также модели «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. Авторы указывают на необходимость различения государственной и национальной идентичностей. В результате проведенного анализа авторы пришли к выводу, что национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии проявляется в виде этничности, обусловленной особенностями национально-государственной идентичности шотландцев.

Ключевые слова: Шотландия, политический процесс, Шотландская национальная партия, национальная идентичность, государственная идентичность, этничность, модели идентичности

Анализ национального стиля развития политического процесса в современной Шотландии невозможен без осмысления таких категорий, как «национальное самосознание», «национальная идентичность», «государственная идентичность», и ряда других, особенно в контексте состоявшегося 18 сентября 2014 г. референдума о независимости этой страны. И каким бы ни было исторически сложившееся положение вещей в отношениях между Холирудом и Вестминстером, понимание сущности этих отношений изменилось [Тюрин, Савинова 2014б; 2014в]. Раньше место Шотландии в рамках Соединенного Королевства никогда не было предметом обсуждения широкой общественности.

Этничность — понятие, широко используемое в науке и обозначающее различные формы идентичности (в т.ч. политические), проявляющиеся в жизнедеятельности тех или иных этнических общностей. Терминологическое развитие рассматриваемого понятия начинается с 1960-х гг., когда концепт «этничность» стал научным ответом на изменения в постколониальном геополитическом пространстве. Отдельную роль здесь сыграли национальные движения во многих промышленно развитых странах, таких как, например, Великобритания [Тюрин, Савинова 2014г]. В рамках научного дискурса об этничности исследователи неизбежно обсуждают вопросы, касающиеся идентичности, среди которых есть взгляды, трактующие идентичность и даже национальное самосознание как врожденный личный выбор, который не является проявлением больших систем. Этот тезис вытекает из методологического принципа, установленного такими авторами, как, например, С. Холл [Questions... 1996: 285]. Хотя они выводят возникновение идентичности из исторического прошлого, но при этом фактически говорят о тождестве идентичности и национальной культуры (прежде всего, национального языка) [Елисеев, Тюрин 2002: 56]. С. Холл, таким образом, рассматривает национальное самосознание как идентичность, которая сформирована в рамках исторического процесса, и как что-то, что внушено человеку обществом, а не что-то, что человек свободен

выбирать. Применительно к Шотландии использование данной парадигмы сильно усложняется, т.к. этому описанию соответствовали бы и британская идентичность, и шотландская. Поэтому для любого определения идентичности в рамках той или иной методологической парадигмы, чтобы быть объективным в отношении шотландского контекста, необходимо ясное понимание различий между шотландской и британской идентичностью.

Мы полагаем, что более уместно трактовать идентичность, основываясь на концентрических кольцах модели идентичности А. Смита, примененной Т. Смаутом [Smutt 1994: 101-113; Smith 1991: 24-25], а также на национально-государственной модели идентичности Д. Маккроуна [McCrone 2001: 186]. Эти модели показывают, что есть различие между идентичностью, основывающейся на государственной организации общества, и идентичностью, которая имеет сугубо национальные основания. Осуществленный нами анализ показывает, что у шотландцев одновременно присутствуют и британская (государственная), и шотландская (национальная) идентичности, которые заметно отличаются друг от друга [Тюрин, Савинова 2014г]. Таким образом, национальная и государственная идентичности дают нам возможность отдельно проанализировать проявления как «британскости», так и «шотландскости» применительно к политическим реалиям современной Шотландии.

В контексте нашей проблематики определяющим фактором стало возрождение шотландского национального самосознания, которое великобританские шовинисты предпочитают называть национализмом. В противовес этому термину мы будем использовать понятие «этничность» (точнее, «этничность шотландцев»), которое более соответствует историческим и политическим реалиям [Тюрин, Савинова 2014а: 184-189]. Таким образом, основное положение последнего тезиса состоит в том, что историческую конструкцию национальной и государственной идентичностей шотландцев необходимо спроецировать на их этничность.

Существуют такие исследователи, как Х. Тревор-Ропер, которые датируют начало возникновения современной шотландской этничности в самом начале II в. н.э. [Trevor-Roper 2009: 27]. Мы, впрочем, считаем необходимым ограничить период погружения в историческое прошлое тремя последними столетиями, используя в качестве отправной точки 1707 г., что позволяет сосредоточиться главным образом на периоде от начала XVIII в. до наших дней. Этот выбор основан, во-первых, на согласии с мнением тех исследователей, которые указывают, что именно в этот период сформировалась современная шотландская этничность. Во-вторых, указанные хронологические ограничения уместны при исследовании влияния этничности шотландцев на современный политический процесс потому, что сам характер этого влияния во многом обусловлен присутствием Шотландии в Соединенном Королевстве [Cohen 1997; Devine 2006: 482; Harvie 2004: 154].

Отметим также, что наше исследование (в контексте выявления национального стиля политического процесса в Шотландии) ограничивает себя и в выборе участников политического процесса, делая акцент на Шотландской национальной партии (далее – *SNP*). Это обусловлено тем, что, хотя другие партии и группы интересов также испытывают на себе фактор этничности (и даже приняли некоторые элементы «националистической» повестки дня), тем не менее, их участие в политическом процессе, как правило, является ответом на успехи *SNP*. Таким образом, это скорее реакции, чем действия. Добавляя к этому, отметим, что *SNP* была и остается единственной политической партией в Шотландии, развивающейся исключительно благодаря фактору этничности. А тот факт, что другие участники политического процесса скорректировали свои позиции в ответ на это, только подтверждает нашу уверенность в том, что *SNP* – это основная политическая сила, отстаивающая идею национальной и государственной независимости Шотландии. И наконец, ограничение временных рамок периодом от всеобщих выборов 1970 г. до наших дней (применительно к *SNP*) обусловлено тем, что именно в этот период *SNP* стала оказывать существенное влияние не только на избирательный, но и на весь политический процесс в Шотландии [Елисеев 2000: 87].

На основании исследования М. Росси и Р. Бонда в сочетании с результатами выборов можно констатировать, что этничность была и остается важным инстру-

ментом идеологии и деятельности *SNP*. Схематично этот тезис ставит перед исследователем следующий вопрос: почему этничность стала успешным инструментом для *SNP* с 1970 г.? Чтобы ответить на него, важно иметь четкое представление о том, что в шотландском контексте означают национальная и государственная идентичности, каковы их основные фокусные точки и чем они отличаются друг от друга. Кроме того, чтобы лучше оценить роль этничности и значимость *SNP* для развития политического процесса в Шотландии, важно более внимательно изучить путь означенной партии к пику своей популярности. Все это приведет нас к двум наборам подвопросов.

1. Вопросы о шотландской идентичности

- Каковы основные элементы национальной идентичности в Шотландии?
- Каковы основные элементы государственной идентичности в Шотландии?
- Каковы основные различия между государственной и национальной идентичностью в Шотландии, и каково их место в политических проявлениях этничности шотландцев?

2. Вопросы о влиянии этничности на специфику участия *SNP* в политическом процессе Шотландии

- Каким образом менялись идейно-политические посылы *SNP* за период с 1970 г. по настоящее время?
- Каким образом фактор этничности влиял на изменения в политической стратегии и тактике *SNP* за период с 1970 г. по настоящее время?

Ответы на эти вопросы можно дать только на основе качественного политологического, социологического, исторического анализа, а также отдельного анализа программных документов *SNP*. Это позволит определить набор критериев, которые помогут выявить в шотландской этничности соотношение государственной и национальной идентичностей и сформировать четкое представление об истории успеха *SNP* в контексте проблемы влияния шотландской этничности на политический процесс в современной Шотландии.

Тезис о различии двух идентичностей – национальной и государственной – основывается на соответствующих моделях А. Смита и Д. Маккроуна, использованных для описания отношений между британской и шотландской идентичностями. Основной идеей, на которой строятся эти модели, является послы о том, что идентичность человека состоит из разных слоев. Идентичность в рамках этих моделей не представляется как некая монолитная конструкция, а рассматривается как многообразие в единстве. Модель А. Смита признает 7 колец идентичности: 1) дом и семья; 2) семья, клан и фамилия; 3) местность; 4) национальность; 5) государство; 6) верховная власть; 7) наднациональное. При образном восприятии можно вообразить эту модель в виде концентрических колец лука. По такому принципу можно было бы найти семейную идентичность внутри (как сердцевину), а наднациональную идентичность – снаружи (как внешний слой). Все эти кольца идентичности опознаваемы как отдельные и самостоятельные. Тем не менее они являются частями одного целого, хотя при этом каждое из них наиболее заметно в пределах конкретного оценочного контекста [Smith 1991: 24-25].

Эта модель на практике означает, что в каждом из названных колец человек имеет что-то для собственной идентификации. В первом кольце – это его семья, дети, родители, дедушки и бабушки и т.п. Все вместе они образуют группу, к которой человек может быть отнесен. Второе кольцо (род, клан и фамилия) утратило значение с современной западной точки зрения, но в других частях земного шара (прежде всего, в традиционных обществах) оно, тем не менее, играет важную роль. Что является менее спорным, так это третье кольцо, т.е. идентичность, основанная на определенной местности проживания. На данный момент этот тезис входит в сферу так называемых «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [Anderson 2006: 105]. И хотя его теория основана на национальной принадлежности, она также применима к кольцу местности. Здесь мы представим себе сообщество, возникающее на основе принципа общности проживания в городе, селе или районе, например москвичи, эдинбургцы и т.п. Это предполагается, потому что мы знаем только небольшой процент представителей указанного сообщества, т.е. это сообщество в

целом мы воображаем. В четвертом кольце национальности мы видим тот же самый принцип: воображаемое сообщество, только на более высоком уровне абстракции. В практическом смысле это, что наиболее вероятно, самая высокая форма умозрительного сообщества, с которым соотносит себя большинство людей. Это идея о том, что человек является шотландцем, итальянцем, японцем и т.п. По мнению Б. Андерсона, нация не просто воображает, что она является сообществом, но и воображает, что она суверенна. То есть, Б. Андерсон видит нацию как сообщество с верховенством власти, чтобы господствовать над собой в условиях отсутствия необходимости делегировать эту свою власть кому бы-то ни было. Вот здесь А. Смит и Б. Андерсон расходятся, потому что Б. Андерсон приравнивает нацию к государству. Или, более конкретно, он думает о нации-государстве, когда речь идет о нации как таковой. Это означает, что, по мнению Б. Андерсона, нация и государство охватывают одно и то же сообщество. А. Смит, однако, четко различает национальную и государственную идентичности, утверждая следующее: «Государственная идентичность относится исключительно к государственным учреждениям, дифференцированным и независимым от других социальных институтов, осуществляющим монополию на принуждение и экстракцию на данной территории. С другой стороны, нация означает социокультурную связь, объединяющую в одном политическом сообществе всех, кто разделяет общую родину и исторически сложившуюся культуру с присущими ей ментальными, языковыми и иными характеристиками» [Smith 1991: 24-25]. Таким образом, согласно А. Смигу, государство и нация должны четко различаться, и поэтому идентичности, основанные на них, не всегда пересекаются (тем более не совпадают). Хотя, конечно, есть достаточно примеров национально-государственного наложения, влияющего на идентичность личности. Датская нация в большей или меньшей степени совпадает с датским государством, и японская нация также равна японскому государству. В этих примерах оба государства и обе нации определяют более или менее одно и то же сообщество. Однако существует достаточное число примеров, в которых это не так. Например, бретонцы, валлийцы и, естественно, шотландцы могут быть определены в некотором смысле как нации, хотя при этом они пока существуют без государства. Это общества с собственной культурой, языком и историей, и, что еще более важно, они идентифицируют себя как нации. Все они, безусловно, имеют связь с государственной идентичностью (как исторической, так и современной). Названные народы из-за политических или военных перипетий в прошлом утратили свою государственность. Но они сохранили историческую память о том, что государственность у них была. В настоящее время все они являются подданными современных государственных образований (Франции и Великобритании) со всеми вытекающими из этого идентификационными последствиями. Таким образом, концентрическое кольцо государственной идентичности описывает идентификацию личности в соответствии с правовой конструкцией государства в соотношении с четвертым кольцом национальной принадлежности, которое описывает идентификацию в соответствии с признаками нации [Smith 1991: 24-25]. Мы согласны с позицией А. Смита, который полагает, что государственная и национальная идентичности являются отдельными категориями, даже если они в некоторых случаях содержательно совпадают. Хотя четкие и определяемые различия между государственной и национальной идентичностями могут приводить к известной конфликтности (например, в разнице между испанской государственной идентичностью и национальной идентичностью басков), это далеко не означает, что эти различия следует игнорировать. Во всех упомянутых случаях (а их на практике значительно больше) национальная и государственная идентичность сосуществуют, хотя и имеют существенные различия. Различия между идентификационными кольцами, таким образом, основаны на различных критериях. Например, идентичность первого кольца (дом и семья) основана на признаках, касающихся того, с кем человек состоит в браке и кто его родители, в то время как четвертое кольцо (местность) основано на идентификации с местом жительства, с местом рождения, с местным диалектом и т.д. В этом контексте важно понимать, что, например, спортивный клуб в национальной лиге

можно идентифицировать по местности, но во время международных мероприятий этот же клуб будет идентифицироваться в соответствии с национальной (или даже государственной) идентичностью. Присоединившись к точке зрения А. Смита, сформулировавшего основное различие между признаками государственной идентичности и признаками национальной идентичности, мы при этом пытаемся осмыслить, какую роль играют эти две идентичности в политическом процессе. Политические события в истории могут быть связаны с проявлениями как одной, так и другой идентичности. Кроме того, все идентичности не должны восприниматься как застывшие данности. Они изменяются в ходе истории. И там, где государственная идентичность, возможно, когда-то была связана с сильным военным мастерством, то с течением времени она стала соотноситься с сильной системой социального обеспечения. Поскольку представления о тех или иных событиях, происходящих в обществе, со временем меняются, то меняются и идентичности, связанные с этими событиями. Работоторговля, поддерживаемая государством, могла выступать одним из элементов государственной идентичности в XIX в., но уже 100 лет спустя она стала выступать сильным аргументом против той же самой государственной идентичности. Кроме того, государственная и национальная идентичности также могут подменять друг друга: создание нового государства может привести к трансформации национальной идентичности, в то время как успешное национальное движение может трансформировать государственную идентичность по аналогии с национальной идентичностью. Различия и границы между ними, таким образом, столь же реальны, как и границы сыпучих или жидких веществ. Применительно к Шотландии идею наличия двух идентичностей (национальной и государственной) продвигает Д. Маккроун, который рассматривает Великобританию как безнациональное государство [McStone 2001: 198]. По его мнению, Великобритания является государством, которое состоит из четырех отдельных стран: Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии и соответствующих наций. Таким образом, считает Д. Маккроун, британской нации не существует, есть только британское государство. Что касается идентичности, то, основываясь на результатах сорокалетних исследований, он доказывает, что шотландцы проводят четкое различие между британской и шотландской идентичностью, и утверждает, что исторические данные подтверждают всегда имевший место факт разграничения шотландцами этих двух идентичностей. Чтобы объяснить данное разграничение, Д. Маккроун прибегает к выводу о том, что британская идентичность является государственной, а шотландская — национальной. Хотя этот исследователь и не обращается явно к модели концентрических идентификационных колец А. Смита, его видение различий между государственной и национальной идентичностью по существу то же самое. Он утверждает, что и государственное, и национальное самосознание основываются на различных признаках, поэтому они не оппозиционны по отношению друг к другу и, следовательно, позволяют шотландцам чувствовать себя и британцами, и шотландцами одновременно [Bond, Rossie 2002]. Тем не менее Т. Смаут в своем взгляде на идентичность сделал справедливое, на наш взгляд, замечание о трудности разграничения того, что есть английское и что есть британское: «Было бы невозможно вообразить Маргарет Тэтчер, Уинстона Черчилля или любого современного британского премьер-министра, который бы демонстрировал меньшую лояльность к Англии и большую к Великобритании, или представить английское население, которое не использовало бы Юнион Джек как свой национальный флаг» [Smout 1994]. То есть, Т. Смаут указывает на то, что даже в Великобритании (с ее четким разделением земель) нелегко провести грань между национальной и государственной идентичностями. Впрочем, относительно Шотландии этот автор признает, что шотландцы почти всегда и везде демонстрируют ясное различие между Великобританией и Шотландией.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии проявляется в виде этничности, обусловленной особенностями национально-государственной идентичности шотландцев.

Список литературы

- Елисеев А.Л. 2000. *Современные политические партии и партийные системы*. Орел. 152 с.
- Елисеев А.Л., Тюрин Е.А. 2002. *Культурология*. Орел. 90 с.
- Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. 2014а. Государственное управление природными ресурсами Шотландии в свете проблемы устойчивого развития. — *Среднерусский вестник общественных наук*. № 4. С. 184-189.
- Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. 2014б. Национальный суверенитет Шотландии в контексте государственной политики управления природными ресурсами. — *Среднерусский вестник общественных наук*. № 2. С. 197-205.
- Тюрин Е.А., Савинова Е.А. 2014в. Этнический фактор политического развития современной Шотландии. — *Вестник государственного и муниципального управления*. № 3. С. 116-124.
- Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. 2014г. Этничность как социокультурная основа развития политического процесса в современной Шотландии: теоретико-методологические аспекты. — *Концепт. Современные научные исследования*. Вып. 2. Доступ: <http://e-koncept.ru/2014/54585> (проверено 01.03.2015).
- Anderson B. 2006. *Imagined Communities*. Revised ed. London; N.Y. 208 p.
- Bond R., Rossie M. 2002. National Identities in Post-devolution Scotland. — *Scottish Affairs*. № 40. P. 34-53.
- Cohen A.P. 1997. Nationalism and Social Identity: Who Owns the Interest of Scotland. — *Scottish Affairs*. № 18. P. 95-107.
- Devine T.M. 2006. *The Scottish Nation 1700–2007*. London. 744 p.
- Questions of Cultural Identity* (S. Hall, P. Du Gay, eds.). 1996. London: Sage. 342 p.
- Harvie C. 2004. *Scotland and Nationalism: Scottish Society and Politics 1707 to the Present*. London; N.Y. 225 p.
- McCrone D. 2001. *Understand Scotland: The Sociology of a Stateless Nation*. 2nd ed. London; N.Y.: Routledge. 365 p.
- Smith A. 1991. *National Identity*. London; N.Y.: Penguin Books.
- Smout T. 1994. Perspectives on the Scottish Identity. — *Scottish Affairs*. № 6. P. 101-113.
- Trevor-Roper H. 2009. *The Invention of Scotland Myth and History*. New Haven; London. 35 p.

TYJURIN Evgeniy Anatolyevich, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Public and Municipal Administration, Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Pobedy blv., 5a, Orel, Russia, 302028; Turin.of.Foveran@yandex.ru)

SAVINOVA Elena Nikolaevna, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Public and Municipal Administration, Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Pobedy blv., 5a, Orel, Russia, 302028; Savinova.E.N@yandex.ru)

NATIONAL STYLE OF THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL PROCESS IN MODERN SCOTLAND: THE PROBLEM OF THE SCOTTISH IDENTITY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the national style of the development of political process in modern Scotland. Authors pay the main attention to the problem of the Scottish identity. The concepts of the Scottish identity, British identity, ethnicity of Scots and others were analyzed. Authors paid considerable attention to the comparative analysis of the models of identity (for example those, that were offered by A. Smith and D. Makkroun). The model of the imagined communities of B. Anderson was also analyzed. Therefore authors indicate distinctions between the state and national identity. The particular attention in the article is paid to the Scottish National Party (SNP), the only party in Scotland, political success of which is developing mainly due to the ethnicity factor. As a result the authors came to the conclusion that national style of the political process in modern Scotland is demonstrated in the forms of ethnicity and is caused by the peculiarities of the national and state identity of Scots.

Keywords: Scotland, political process, Scottish National Party, national identity, state identity, ethnicity, identity models